

Благодарности

Все это было дано тебе...

Истоки этой книги лежат в работе, составленной для семинара старшекурсников, который вел Лоуренс Кресс в Университете Талсы, и диссертации, написанной в Университете Северной Каролины под руководством Дона Хиггинботама. Ни один из них не дождался выхода книги, но они оба сформировали ее основу и, я добавлю, изменили ход моей жизни.

Среди других преподавателей, которые вдохновляли меня, я должен выделить Пола Дайкса и Джудит Кимри из средней школы Букера Т. Вашингтона, Томаса Бакли из Университета Талсы, а также Гарри Уотсона, Питера Кокланиса и Ллойда Крамера из Университета Северной Каролины. Сегодня я еще больше понимаю, сколь многим я обязан каждому из них. Гарри, в частности, заслуживает медали и, возможно, лицензии психотерапевта за его открытость и неизменную доброту.

Мои коллеги с исторического факультета Университета Алабамы в городе Бирмингеме оказали мне всеобщую поддержку и создали стимулирующую среду, в которой можно было думать, преподавать и писать. Я извлек пользу из знакомства с каждым из них. Эндрю Кейтт и Рэй Мол — выдающиеся наставники, которые помогали мне словом и делом; каждый из них по-своему сделал эту книгу возможной, а мою жизнь — лучше. Ни один из них ни разу не оспорил моей детской самонадеянности, подсаживавшей, что для меня не существует закрытых дверей. Дэнни Сигел, Мишель Форман, Джон Мур и Мэри Уолл также стали для меня ценными друзьями и наставниками.

Дик Латнер дал мне первую работу в Университете Тулейна. Я всегда буду благодарен ему и сотрудникам этого учебного заведения, а также студентам, которых я там учил и которые, в свою очередь, учили меня. Джим Тент, заведующий кафедрой в первые несколько лет моей работы в Университете Алабамы в Бирмингеме (UAB), был для меня само великодушие. Я высоко ценю его особую заботу и ее значение для моей семьи, для возможности завершить данный проект. Кэролин Конли, наша нынешняя заведующая кафедрой, поддерживала меня, пока я пребывал в занимаемой должности. Я многое позаимствовал из ее багажа знаний. Теннант Макуильямс, бывший деканом, когда я только приехал, понял значение стипендии и ее незаменимость для хорошего преподавания. Его энтузиазм заразил меня с самого начала. Я благодарен за грант UAB Advance, что позволил мне оплатить один семестр выпускного курса и приобрести ноутбук, на котором была напечатана бóльшая часть рукописи.

Эндрю О'Шонесси из Международного центра исследований Джефферсона (ICJS) предоставил мне два месяца непрерывного времени для написания моей книги во вдохновляющих окрестностях Монтичелло. Более того, он неизменно оказывал всестороннюю поддержку моему проекту. Эндриня Тей, также из ICJS, подсказала мне подходящее слово в самый нужный момент. Вот это повезло! Криста Диркшайде необычайно щедро делилась своими знаниями и временем и продолжает оставаться надежным другом и советчиком по всем вопросам, связанным с Джефферсоном.

Беседы и мозговые штурмы с Мэтью Кроу, Йоханном Нимом, Робом Макдональдом и Фрэнком Коглиано (возможно, самыми выдающимися знатоками Джефферсона нашего времени) были чрезвычайно интересными и захватывающими, хотя они и убеждали меня, что я не уясняю и половины из сказанного ими. Мэтт и Йоханн самым коренным образом повлияли на мое понимание Джефферсона. Йоханн прочитал черновики трех глав и высказал бесценные предложения по усилению аргументации. Роб и Фрэнк дали мне возможность записать их мысли, которые в конечном итоге нашли отражение в книге, и я выражаю особую благодар-

ность за их щедрость и редакторское руководство. Роб стал для меня ценным другом и оставался им на протяжении многих лет.

Крис Рэй читал отдельные части рукописи и всегда призывал меня мыслить шире, как это делает он. Рут Хомригхаус вмешалась в решающий момент, сочетая, как обычно, безжалостное редактирование с мягким руководством и поддержкой. Я также очень благодарен Джону Боулзу за его поддержку и помощь на ранней стадии разработки основных тезисов.

Питер Онуф превзошел свою (и без того выдающуюся) репутацию щедрого человека. Как и почти каждый ученый, пишущий сегодня о Джефферсоне, он стал для меня высоко ценимым наставником, и его ученость, перед которой я нахожусь в неоплатном долгу, будет очевидна на страницах моей книги. Доброта и юмор оставляют на печатной странице меньше следов, но я благодарю его за них здесь.

Я в огромном долгу (как интеллектуальном, так и личном) перед Полом Рэйэ, который прочитал всю рукопись в черновике и дал бесценные рекомендации. Его тщательная критика заставила меня быть более точным во многих местах и спасла меня от досадных ошибок в других. Его поддержка, несмотря на некоторые фундаментальные разногласия с моей аргументацией, является заслугой его великодушия.

Я присоединяюсь к очень длинному списку студентов и ученых, благодарных Уильяму Лейхтенбургу за пример (возможно, недостижимый) глубины знаний и честности. Билл прочитал всю диссертацию и части черновика рукописи, которые могли бы показаться далеко выходящими за рамки его компетенции, если бы такие ограничения были применимы в его случае. Я ценю его больше всего за огромную порядочность, на протяжении многих лет выдерживавшую все испытания: как в большом, так и в малом.

Крис и Мэри Мейерс, Джеймс и Джой Нельсон, Маргарет Майерс, Сьюзан Майерс и Майк Росс — все они превратили Новый Орлеан в город, наполненный счастливыми воспоминаниями, так же как Дэвид и Амелия О’Делл и Бен Хаффман во многом проделали это с Чапел-хиллом.

Будь у меня больше места и возможностей, я написал бы целый том о каждом из следующих друзей. Вместо этого я просто заявлю о своем восхищении и преданной любви к Джонатану Вейлеру, Стиву Киди, Спенсеру Даунингу, Адаму Тучински, Карлу и Элизабет Дэвисам, Биллу Эстесу и Майку Уилхойту: «Я не в силах сказать, как сгибаются лодыжки моих ног и в чем причина... той дружбы, которую я излучаю, и той, которую получаю взамен» (У. Уитмен «Песня о себе», 1855, перевод К. Чуковского).

Дэвид Фолькер прочитал каждое слово рукописи, некоторые из них — по многу раз, часто — по первому требованию. Если Эмерсон прав, говоря, что друг — это человек, с которым ты можешь быть искренним и который с нежностью относится к недостаткам, Дэвид, несомненно, лучший из друзей. Он уже давно расширил «границы всех моих мыслей». Можно всю жизнь искать более добродетельную душу и не найти ее.

Книга стала значительно лучше, когда вышла в издательстве Кембриджского университета. Я слышал, что Льюис Бейтман установил стандарт профессионализма и эффективности в академическом редактировании. Так оно и есть. Энн Лаверинг Раундз, работая над ней, вышла за рамки служебного долга, и я это очень ценю. Они оба милостиво прощали многочисленные ошибки автора-новичка. Анонимные критики издательства хорошо выполнили свое дело. Я отнесся к каждому из их бесценных предложений так же серьезно, как они отнеслись к моей рукописи. Их труд неизмеримо усовершенствовал ее.

Фрагменты этой работы, появившиеся в других местах, также заслужили пристальное внимание редакторов и анонимных критиков. Глава 2 представляет собой слегка переработанную версию статьи «Гендерная граница Томаса Джефферсона» [Steele 2008a: 17–42], глава 3 — переделанную и расширенную версию работы «“Старейшины Соединенных Штатов — это не парижские кандалы”»: Томас Джефферсон, американская исключительность и дух демократии» [Steele 2012a: 19–46]. Часть главы 6 впервые появилась в статье под названием «Томас Джефферсон, принуждение и пределы гармоничного союза» [Steele 2008b: 823–854]. Эпилог — это сокращенная и переделанная версия работы «На-

следие Джефферсона: нация как интерпретативное сообщество» [Steele 2012b: 526–550]. Я благодарен издателям и редакторам каждого из этих трудов как за оригинальные публикации, так и за разрешение перепечатать их здесь.

Руффин и Мелисса Сноу, посланные небесами родственники, сделали мой путь приятным и подарили мне большую семью, наполненную невероятным теплом и весельем. Джоэл и Брэдли, Дэниел и Дженни, Лоуэлл и Пегги — все они обогатили мою жизнь разнообразными способами, которых слишком много, чтобы перечислять.

Брэндон и Бетси, моя жизнь неразрывно связана с вашей. Я благодарен за то, что у меня такие хорошие и верные родные брат и сестра. Кроме того, я признателен за новоявленных — Джен и Спенсер.

Дженнифер Сноу и наши четверо замечательных детей, Грехен, Кора, Кристофер и Грэм, наши бесценные жемчужины, пережили написание этой книги и дали мне жизнь за ее пределами. Сама «земля преобразается» в их руках.

Я посвящаю книгу Дону Хиггинботаму, чьей щедрости, направляющей руки и фундаментальной доброты мне очень не хватает, а также Сэму Рэмеру, дружба которого поддерживала меня и в темные времена, и в светлые, и моим родителям, которые воспитали меня, научив тому, что есть нечто лучшее, чем мамона. Все сказанное выше говорит о том, что они были правы. Как права и Дженнифер, которая напоминает мне об этом каждый день.

Позвольте мне доказать, что я заслуживаю этого высокого общества.

Ключ к сокращениям при цитировании

AHR	American Historical Review
AJL	Lester J. Cappon, ed. The Adams — Jefferson Letters: The Complete Correspondence Between Thomas Jefferson and Abigail and John Adams, 2nd ed. (Chapel Hill, 1987)
FE	Paul Leicester Ford, ed. The Works of Thomas Jefferson, Federal Edition, 12 vols. (New York, 1904–1905)
JAH	The Journal of American History
JER	The Journal of the Early Republic
JSH	The Journal of Southern History, 1904–1905
LC	Thomas Jefferson Papers, Library of Congress
L&B	Andrew A. Lipscomb and Albert Ellery Bergh, eds. The Writings of Thomas Jefferson, 20 vols. (Washington, D. C., 1903–1904)
Notes	Thomas Jefferson. Notes on the State of Virginia (1784), ed. William Peden (Chapel Hill, 1954)
PAH	Harold C. Syrett, ed. The Papers of Alexander Hamilton, 25 vols. (New York, 1961–1977)

PJM	William T. Hutchinson et al., eds. The Papers of James Madison (Chicago and Charlottesville, 1962–)
PTJ	Julian P. Boyd, ed. The Papers of Thomas Jefferson, 34 vols. to date (Princeton, 1950–)
PTJ Retirement Series	J. Jefferson Looney, ed. The Papers of Thomas Jefferson, Retirement Series, 8 vols. to date (Princeton, 2004–)
ROL	James Morton Smith, ed. The Republic of Letters: The Correspondence Between Thomas Jefferson and James Madison, 1776–1826, 3 vols. (New York, 1995)
TJW	Merrill D. Peterson, ed. Thomas Jefferson: Writings (New York, 1984)
WJA	Charles Francis Adams, ed. Works of John Adams, 10 vols. (Boston, 1850–1856)
WJM	Galliard Hunt, ed. The Writings of James Madison, 9 vols. (New York, 1900–1910)
WMQ	William and Mary Quarterly, Third Series
WTJ	Paul Leicester Ford, ed. The Writings of Thomas Jefferson, 10 vols. New York: G. P. Putnam's Sons, 1892–1899

Введение

Америка Джефферсона

Моя любовь была сперва обращена на мою собственную страну, а потом — на все человечество вообще.

Томас Джефферсон, 1811 год [Jefferson 2004a: 298–299]

Самая продолжительная любовная связь была у Джефферсона с Америкой. Именно на нее он проецировал ряд своих глубочайших желаний и черпал поддержку в ее ответной привязанности. Ради нее он пренебрегал семьей, усадьбой и книгами, и временами казалось, что он отказывается от заветных принципов и отвергает весь мир ради этого служения. Должно быть, ему было особенно приятно услышать признание Д. Адамса, что «страна была с ним», потому что его «жажда» ее «любви», как позже предположил Г. Адамс, «была почти женской», а «потеря популярности была его самым горьким испытанием» [Carron 1987; Adams 1986: 100, 1239]. Джефферсон всегда настаивал на том, что его принципы были «принципами огромного числа... сограждан», и в подтверждение этого Г. Адамс отметил: «Все признавали, что мнения Джефферсона в той или иной форме разделяет большинство американского народа». Свойственные Джефферсону «провидческие качества были, похоже, также национальной чертой», к большому сожалению федералистов [Jefferson 1984ш: 1058; Peterson 1984; Adams 1986: 117]. У Джефферсона имелось почти осязаемое чувство того, что его жизнь всегда будет связана с жизнью США, хорошо это или плохо, и что его слава и наследие в значительной степени зависят от будущего величия Штатов. Таким образом, его отношения с Америкой были симбиотическими, а его суждения о ней иногда граничили с пред-

ставлениями о самом себе. Его заявление о том, что он выразил чувства всех Соединенных Штатов в Декларации независимости, можно трактовать как то, что он говорил от имени Америки или, еще смелее, что Америка говорила через него. Если дух Соединенных Штатов Америки действительно «одобрял» взгляды Джефферсона, как он однажды сказал Вашингтону, ему, в свою очередь, нужно было просто «согласиться» с этим, чтобы отождествление стало полным [Jefferson 1984ав: 996]. В любом случае однажды он сказал французскому политэкономисту Жан-Батисту Сэю: «Я думаю за Америку» [Jefferson 1984бо: 1144]. Историков иногда раздражает тенденция американцев воспринимать Джефферсона как своего рода доверенное лицо Америки, но сам Джефферсон, вероятно, был первым, кто посчитал себя таковым¹. В этой книге мы исследуем то, что Джефферсон рассказал об Америке, и предполагаем, что это повествование сформировало его политику, методы государственного управления и в конечном счете отождествление собственной личности с ней. Таким образом, книга представляет Джефферсона как «автора» американского национализма.

Почти все поступки, совершенные Джефферсоном в общественной жизни (и в частной, когда та косвенно касалась первой), он оправдывал тем, что решался на них во имя американской нации. Тем не менее лишь немногие историки исследовали центральную роль нации как организующего принципа идей, политики и государственной деятельности Джефферсона [Onuf 2000; Onuf 2007]. Национализм Джефферсона проявился в риторическом дискурсе, политических и культурных проектах, а также аналитических оценках американской идентичности и американского опыта как универсального идеала, к которому однажды будут стремиться все нации [Калхун 2006].

Не существует подлинного или исключительно аутентичного Джефферсона, и мы воздерживаемся от любых попыток нарисовать здесь подобный образ. Что мы действительно предпола-

¹ См. обсуждение этой темы в [Lewis, Onuf 1998: 125–136].

гаем, так это то, что пристальный взгляд через призму национализма представит некоторую согласованность его карьеры, которую другие характеризовали как клубок противоречий. Ученые получают важные сведения, внимательно изучая источники идей Джефферсона. Но он не был защитником существовавших ранее локковской или классической республиканской традиций. Эти научные парадигмы, созданные для удовлетворения современных историографических потребностей, Джефферсон, возможно, не признавал заслуживающими того, чтобы их разграничивали так тщательно, как это делают ученые [Rogers 1998: 11–38; Gibson 2007: 130–164]. Идеи Джефферсона, без сомнения, формировались под влиянием его образования и исследований, но также в решающей степени выковывались горьким опытом и необходимостью. Что если, вместо того чтобы начинать с приверженности Джефферсона той или иной традиции мышления, мы начнем с предположений Джефферсона о национальной идентичности и попытаемся понять, как они повлияли на его политику и государственную деятельность? Другими словами, что если мы начнем с джефферсоновской концепции «хороших людей», которые, по мнению ее автора, основали в 1776 году американскую нацию, и истории, которую он о них рассказал? [Jefferson 1950ж–: 427]

Понятие «нация» никогда не было чем-то необязательным для Джефферсона, он никогда не считал его лишь средством достижения какой-либо цели. Наш акцент на значении для него государственности не исключает центральной роли естественных прав личности или федерализма в его мышлении. Напротив, Джефферсон всегда считал, что если американская нация будет верна себе, своему характеру и предназначению, то тогда будут соблюдены и права личности, и глубинные интересы входящих в нее различных сообществ. Джефферсону редко приходилось ставить права или федерализм выше интересов нации. Это происходило потому, что его высшие универсальные принципы нашли свое воплощение в конкретном историческом моменте и определенной нации, единственной на земле, твердо приверженной этим принципам.

Преданность Джефферсона своему государству сочеталась с верностью нации и всему миру. В той степени, в какой исследователи подчеркивали один элемент и исключали другие (например, выделяли виргинский провинциализм Джефферсона больше, чем его космополитизм; ставили его приверженность правам американских штатов в противовес его усилиям по укреплению центральной власти; отмечали, что его неизменные стремления расширить возможности отдельных людей шли наперекор его чувству, что индивидуумы становятся полностью свободными только в том случае, если являются членами чего-то большего, чем они сами), они упускали нечто принципиально важное: мировоззрение Джефферсона было чрезвычайно комплексным и сложно структурированным.

Джефферсон вырос и состарился в среде виргинских джентри, и на протяжении всей своей долгой карьеры государственного деятеля в национальном правительстве он оставался представителем класса плантаторов². Этот факт, безусловно, определял его основные ценности, но не ограничивал (или не исчерпывал) их. Аналогичным образом его членство в трансатлантической Республике ученых было фундаментальным аспектом его самовосприятия. И все же обычно он определял себя универсально и емко — приписывал себе те черты, которые считал сугубо американскими. Его *национализм, космополитизм и региональный патриотизм* не являются взаимоисключающими, но по необходимости связаны друг с другом. Космополитизм может быть сглажен и нивелирован укладом жизни провинции. Национализм обычно рождается на местной почве, но при этом космополитические ценности могут определять взгляд на перспективу развития конкретного региона. Например, устаревшее и неисследованное утверждение о том, что Джефферсон имел в виду Виргинию, когда говорил «моя страна», не только эмпирически неверно («страна» Джефферсона может означать Виргинию, Америку или округ Албемарл — в зависимости от контекста), но

² О двух подходах к рассмотрению публичной жизни Джефферсона см. [Sloan 1995] и [Hatzenbuehler 2006].

и аналитически бесполезно, поскольку мало что говорит нам о глубинных воззрениях Джефферсона, представлявших неразрывное сочетание космополитического, националистического и провинциального.

В этой книге мы выдвигаем две общие идеи, которые могут показаться противоречивыми. Во-первых, предлагаем рассматривать Джефферсона как сторонника американского национализма. Американские историки неохотно делают это, потому что они склонны противопоставлять военно-фискальную государственную политику Гамильтона федерализму Джефферсона. В той мере, в какой Джефферсон понимал незаменимость центрального государства (служил в его учреждениях в течение десятилетий), он был его сторонником, то есть националистом в традиционном смысле, и одна из целей этой книги состоит в том, чтобы осветить этот ранее упущенный аспект политики Джефферсона³. Когда мы отбросим отождествление национализма с привязанностью к определенной форме государства и вместо этого сосредоточимся на заявлениях Джефферсона о нации, сможем увидеть многогранную природу его личного проявления национализма⁴. Если нации — это «воображаемые сообщества», как предложил называть их Бенедикт Андерсон, возможно, было бы плодотворно думать о национализме как о «процессе воображения»⁵. Действи-

³ См. также важные выводы в [Bonwick 1997: 149–168].

⁴ Национализм есть не столько «идентификация себя с государством, сколько верность нации» [Connog 1978: 383]. Среди многочисленных исследований на эту тему особенно полезными нам кажутся две книги К. Калхуна и две обзорные статьи Л. Крэмера. См. [Калхун 2006] и [Calhoun 2007]; [Kramer 1997: 535–545] и [Kramer 1993: 71–82]. Кроме того, отдаем должное еще одной классической работе на эту тему [Potter 1962: 924–950]. См. также [Onuf 1996: 11–37; 107–117]. Обратите внимание на четкие и понятные пояснения к библиографии в [Quigley 2011: 3–15].

⁵ См. [Андерсон 2016]. В самом начале книги автор отмечает, что слово «воображаемые» не значит чистый плод фантазии, нечто «сфабрикованное» и «фальшивое». Это важное замечание, так как в литературе часто встречается предположение, будто нация — искусственный конструкт. О денатурализации наций см. [Gellner 1965: 150, 168], а также [Хобсбаум 1998, особенно 1–15]. Национальная история — актуальное и жизнеспособное понятие,

тельно, воображение Джефферсона является центральной темой этой книги. Если о любом национализме можно сказать, что он предполагает коллективную однородность общества, которая делает внутренние различия поверхностными, а внешние — эндемичными и глубокими, национализм Джефферсона не был исключением⁶. Томас Джефферсон представлял себе национальное единство, глубоко укорененное в привязанности к своей стране и состоящее в том, что он считал специфически американским набором характеристик, таких как единая история, всеобщее процветание, республиканский дух и семейное счастье. Джефферсон был если не первым, то, безусловно, самым плодовитым и красноречивым ранним исследователем и главным распространителем идеи американской исключительности.

Прежде всего нам хотелось бы развести понятия «нация» и «государство», то есть те сущности, которые обычно считаются неразрывно связанными, и взглянуть на государство по-новому. Концепция государства Джефферсона была глубоко переплетена с национализмом, и в то же время она была более сложной и комплексной, чем простое предпочтение централизованного управления. Большинство ошибочно приписываемых Джефферсону цитат подчеркивают его враждебность к государственной власти и ее неприятие, а многие действительно имевшие место высказывания вырваны из контекста и используются для достижения целей, которых он никогда не разделял⁷. Генри Торо, а не Джефферсон утверждал, что «лучше всего то правительство,

основанное на взгляде на нации не как на некие естественным образом сложившиеся условности, а как на плод исторического процесса. Этот постулат блестяще отстаивается в [Neem 2011: 41–70, особенно 62–68]. Помимо этого, особо признательны Д. Холлинджеру за его труд [Hollinger 2002: 381–395]. С несколько другой стороны эта тема рассматривается в [Perez 2002: 558–566].

⁶ См. [Гринфельд 2012].

⁷ См. текущий список цитат, ошибочно приписываемых Джефферсону, составленный исследовательским персоналом его мемориальной усадьбы в Монтичелло. URL: <http://www.monticello.org/site/jefferson/spurious-quotations> (дата обращения: 13.08.2011).

которое управляет меньше всего», и Джеральд Форд, а не Джефферсон первым предупредил американцев: «Правительство, достаточно большое, чтобы дать вам все, что вы хотите, является правительством, достаточно большим, чтобы забрать у вас все, что у вас есть» (см. его выступление на совместной сессии конгресса 12 августа 1974 года [Woolley, Peters])⁸. Приписывание Джефферсону подобных высказываний вполне понятно, потому что он и в самом деле считал, что государственная власть должна быть ограничена, и противоречиво относился к государству, что проистекало из традиционной тревоги республиканцев относительно коррупции. «Свобода правительства основана на зависти, а не на доверии», — писал он [Peterson 1984a: 454]. Однако в наши цели не входит продвижение аутентичных, проверенных цитат вместо сомнительных. (Мы, конечно, могли бы найти подлинные цитаты Джефферсона, которые подкрепили бы одни мысли в приписываемых ему высказываниях и опровергли бы другие, но это мало что прояснит.) Мы также не стремимся принизить подобными разоблачениями массового читателя (Джефферсон никогда не презирал массы, как мы увидим позже). Но историк обязан стремиться понимать слова в том контексте, в котором они были произнесены. Беспокойство Форда, например, не могло быть точно таким же, как у Джефферсона, поскольку оно коренилось в критике государства всеобщего благосостояния XX века, которое Джефферсон никогда не мог себе вообразить. Джефферсон не может быть ни социал-демократом, ни либералом в духе «Нового курса», ни либертарианцем (или маоистом, если уж на то пошло) [O'Brien 1996: 150; Ellis 1997: 127], потому что он жил в мире, где еще не существовало конкретных проблем и институтов, которые породили эти более поздние политические идеологии. На самом деле одним из наших намерений является попытка освободить Джефферсона от исключительных претензий на него любой политической идеологии XX века. Страх Джефферсона перед консолидацией власти

⁸ URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=4694> (дата обращения: 11.06.2010).

и злоупотреблением ею коренился в его демократическом национализме, и понимание этого делает подходы Джефферсона к управлению государством менее похожими на неразрешимую загадку и более последовательными, хотя и не всегда. Но их характеризует некая прагматичная гибкость, способная сбить с толку тех, кто раз и навсегда застыл в своих убеждениях. Чего Джефферсон боялся в связи с консолидацией власти, так это угрозы, что правительство оторвется от того единственного, что могло придавать ему легитимность, — народа. По Джефферсону, целью федерализма было распределение власти, способствующее (хотя, вероятно, несколько парадоксально) сближению правительства и нации, перестающей чинить препоны на пути его действий.

Некогда Томас Джефферсон сказал Джорджу Вашингтону: «Нация является источником нашей власти», ибо понимал, что именно воля нации дает власти возможность и требует ее [Jefferson 1950–: 100–101]. Государство не могло довольствоваться идеологическим доминированием — оно было обязано претворять в жизнь цели народа. Как однажды выразился Джефферсон, «правительства являются республиканскими только в той мере, в какой они воплощают волю народа и выполняют ее» [Jefferson 1984бн: 1396]⁹. Джефферсон понимал, что угрозы свободе могут происходить от государства, концентрации власти в одних руках и отдаленных империй. Но американская федеративная система с ее пересекающимися сферами полномочий и разделением властей могла ограничить насилие государства в отношении граждан, одновременно мобилизуя государственную власть для достижения целей нации. Вот почему Джефферсон так высоко ценил Билль о правах — за то, что он «защищает свободу граждан, не затрагивая деятельности правительства» [Jefferson 1950гэ–, 14: 689].

Джефферсон осознавал, что нарастающее могущество государства может подорвать свободу: он видел, как это происходи-

⁹ Курсив Б. Стила. — *Прим. пер.* Важные и убедительные размышления о взаимосвязи между активностью исполнительной власти и общественным одобрением у Джефферсона см. в [Bailey 2007].

ло в родной стране и за рубежом, хотя и не мог предугадать, какие ресурсы получит современное государство для контроля за самыми интимными деталями жизни граждан. Двойственное отношение к государству перерастало у Джефферсона во враждебность к нему, но только тогда, когда государство не могло воплотить в жизнь волю народа. К середине 1790-х годов Джефферсон считал, что федералисты готовы воспринимать власть государства как самоцель, а не как средство достижения целей нации. Таким образом, его политическая оппозиция никогда не была направлена на то, чтобы сделать правительство бессильным. Его целью всегда было то, что он считал единственно надлежащей целью государственного деятеля-республиканца, — приведение государства в соответствие с волей нации. Эта приверженность нации обеспечивает определенную последовательность в политике, которую он проводил в 1790-х годах, и его государственной деятельности на посту президента. Различные повороты событий в его карьере связывает ариаднина нить — твердое убеждение Джефферсона, что подчинение правительства тому, что он называл «волей нации», является неперенным условием существования республики [Jefferson 1950p–, 24: 802]. В настоящей книге исследуется, как верность данному идеалу проявлялась в различных политических баталиях той эпохи.

Отношения между государством и народом представлялись Джефферсону довольно тесными, основанными на демократическом взаимном влиянии, чуждом собственническому индивидуализму, характерному для классических описаний современного американского либерализма¹⁰. Джефферсон никогда не защищал радикального индивидуализма и не считал, что демократия возможна при отсутствии определенных социальных условий, которые делали бы ее жизнеспособной. Без экономической независимости, образования и доступа к информации, а также максимального участия населения в управлении демо-

¹⁰ О недавних попытках сделать американский либерализм исторически менее индивидуалистичным и более демократичным см. [Tuchinsky 2005: 470–497; Kloppenberг 1998: 21–37; Kloppenberг 2001: 460–476].

кратия не привела бы ни к чему иному, как к власти толпы. Подобное утверждала почти любая политическая мысль того времени. Другими словами, демократическая процедура была важна для Джефферсона, но она не могла быть эффективной в отсутствие демократической культуры, которая, по его мнению, существовала исключительно в Америке.

Мы не стремимся, основываясь на рассуждениях Джефферсона, дать определение американской нации. Данная книга в известном смысле дает как больше, так и меньше того, что мы ожидаем получить от исследования, посвященного Джефферсону. Это не его биография и не исчерпывающая история его политической мысли, государственной деятельности, политической карьеры и достижений, тем более не исследование его личной жизни, хотя все это имеет решающее значение для темы нашего изыскания. Кроме того, мы не пишем историю самой американской нации (и даже не рискуем утверждать, что некая объективная история ее существует), а, скорее, идентифицируем и анализируем посвященный ей нарратив Джефферсона. Мы утверждаем при этом, что Томас Джефферсон является прародителем американского национализма, и высказываем предположение о том, как его концепция нации повлияла на его политику и государственную деятельность. Мы не имеем намерений искать дефиниции понятия «нация» или настаивать на том, что взгляды Джефферсона соответствуют какой-то заранее определенной теории нации, хотя многие из этих теорий лежат в основе настоящей работы (без них она оказалась бы решительно невозможна). Вместо этого мы исследуем процесс, который привел Джефферсона к определенному пониманию нации и позволил ему делать заявления от ее имени.

Поскольку Джефферсон верил, что нация формируется благодаря всеобщему признанию существования ее самой и ее целей и что ни одно государство не может быть легитимным без воплощения воли и чаяний народа, он никогда не предполагал, что нацию можно полностью понять через изучение ее интеллектуальной элиты. Сами люди (как показали несколько недавних исследований) создают национальную идентичность посредством

своих практик, государственных и гражданских (включая участие в парадах и национальных праздниках, усвоение гражданских текстов, возведение памятников и мемориалов, голосование, подачу петиций, написание определенных документов и создание вообразяемых образов, но не ограничиваясь этим). Джефферсон был действительно первым, кто описал американскую государственность как воплощение народных чаяний [Newman 1997; Travers 1997; Waldstreicher 1997; Furstenberg 2006].

Но в американскую историю Джефферсона стоит вникнуть хотя бы потому, что, как и любой дискурс, она сама по себе является «событием» и «движущей силой... истории, а не просто представлением о ней» [Todorov 1993: VIII]. Аргументы и утверждения, напоминает нам Дэвид Холлингер, «являются социальными актами» и, следовательно, законными «объектами исторического изучения» [Hollinger 1985: X]. Теория Джефферсона не была столь же преувеличенной и высокомерной, как все иные национально ориентированные учения, игнорировавшие или замалчивавшие многочисленные противоречивые реалии и неоднозначный человеческий опыт (который с успехом мог бы послужить основой для какой-нибудь другой теории), хотя все это в определенной степени могло добавить ей популярности¹¹. Значимость нарратива Джефферсона частично основывается на его исторической способности убеждать большое количество американцев (включая историков), чье согласие, таким образом, определяло социальные реалии ранней республики и в конечном счете устанавливало для многих значение нации [Campagne 2002: 21–25]¹².

Джефферсон также понимал, что, как выразился Томас Бендер, «нация не может сама себе служить контекстом», но обязана своим существованием «рамкам бóльшим, чем она сама» [Bender 2006: 7]. С самого начала Джефферсон, говоря об американском суверенитете, предполагал, что его страна существует в открытом мире и глобальной системе государств, националь-

¹¹ Для изучения этой темы см. [Bhabha 1990: 1–7] и [Greene 1998: 208].

¹² Благодарю Эндрю Кейтта за предоставленный мне перевод нескольких страниц этой книги.

ного опыта и истории, которым можно противопоставить его собственную Америку. Таким образом, международная или межгосударственная система определяла и легитимизировала нацию, даже когда это угрожало ее существованию.

Национальный проект Джефферсона не был простым упражнением в политической теории, и исследование его практики национализма находится вне рамок любых рассуждений на тему о том, являлся ли Джефферсон успешным государственным деятелем. Иногда изгибы мысли Джефферсона невозможно выпрямить, не исказив исторической правды. Хотя мы приводим доводы в пользу существенной стройности теории национализма у Джефферсона, не утверждаем, что она оставалась неизменной или последовательной на протяжении всей его жизни. Мы станем свидетелями множества противоречий и парадоксов, чего вполне можно ожидать, когда имеешь дело со сколь-нибудь прагматичным национализмом. Задача историка, как нам кажется, состоит в том, чтобы описывать, объяснять и подвергать сомнению сделанные утверждения, а не добиваться ясности, примиряя при этом изначально непримиримые факты. Мы надеемся, что нам удастся описать мысли Джефферсона, не выдавая их при этом за абсолютно достоверное отражение событий того времени (особенно тогда, когда речь пойдет о его оценке мотивов и идеалов федералистов). Таким образом, данная книга не является апологией или реабилитацией Джефферсона в большей степени, чем попытка подвергнуть его критике. Само собой разумеется также, что мы ни в коем случае не собираемся излагать в ней «всю правду» о Джефферсоне — только то, что нужно о нем знать. Но если с ним все-таки связано нечто особенно важное и истинное (а мы верим, что так и есть), то нам потребуется изложить все события так, чтобы они соотносились с этой правдой.

В последующих главах Джефферсон предстанет перед нами как историк, социолог, этнограф и политический теоретик, пишущий об Америке, а также как самый успешный практик, занимающийся политической деятельностью, и восторженный защитник своей родины. В первой главе описываются идеи Джефферсона, касающиеся американской государственности, —

в том виде, в каком они впервые появились в его революционных работах 1770-х годов. Американская история Джефферсона предполагает и утверждает существование американского народа, описывает его характер, очерчивает его прошлое, будущее и настоящее [Berger 2007: 36]. По нашему мнению, Декларация независимости даже тогда, когда утверждала американский суверенитет среди других государств, предъявляла высокие исторические и культурные требования к американскому характеру и американской идентичности, или, скорее, эти два аспекта были тесно связаны между собой: по логике декларации политические претензии могли быть законными только в том случае, если культурно и исторически они имели под собой основание. Легитимность проекта государственности, подразумевал Джефферсон, опиралась на существование народа.

Со второй по четвертую главы исследуются некоторые более сложные и специфические мнения Джефферсона о характере американского народа. Вторая глава исследует описание Джефферсоном американской домашней жизни как универсального стандарта, полностью достигнутого только в Соединенных Штатах. Третья глава завершает этот анализ, раскрывая дальнейшее описание Джефферсоном американского духа и характера, которые, по его мнению, и сделали демократическую политику возможной в Соединенных Штатах, а европейскую политическую теорию — неприменимой к их опыту¹³. В четвертой главе рассматриваются те тесные связи, которые Джефферсон представлял между общественностью и государством, гражданами и республиканским руководством, — отношения, которые сделали американцев удивительно свободными, но которые, как это ни парадоксально, и резко очертили границы допустимого. В этой главе мы также предполагаем, что Джефферсон-демократ, которым мы сегодня восхищаемся, неотделим от того Джефферсона, который мирился с рабством, исключая афроамериканцев из американской национальной общности и включая в нее индейцев

¹³ О национальном характере как достаточном объяснении поведения см. [Leerssen 2000: 267–292, особенно 272].

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru